

«Любите ли вы театр, так, как люблю его я» – эту знаменитую фразу Виссариона Белинского я хотела произнести на первом туре экзамена в театральное училище. Но не произнесла потому, что её гениально читала героиня фильма «Старшая сестра» Татьяна Доронина. К тому времени я уже посмотрела этот фильм и поняла, что лучше Т. Дорониной её никто не произносит. А вот песню «Я мечтала о морях и кораллах» из этого фильма я пела на экзамене, когда проверяли музыкальный слух. Тогда, в 1967 году этот фильм смотрела вся страна, и он произвел большое впечатление, особенно на молодежную аудиторию. Была под впечатлением и я.

Трезво оценив свои возможности (что в молодости сделать довольно трудно), я читала отрывок из цикла детских рассказов о Леле и Миньке Михаила Зощенко «Калоши и мороженое». Начинался он так: «Когда я был маленький, я очень любил мороженое. Конечно, я его и сейчас люблю. Но тогда это было что-то особенное – так я любил мороженое».

Не знаю, почему я взяла этот отрывок из рассказа, может, потому, что я тоже люблю мороженое. В детстве, когда к нам приезжал дедушка, он закармливал меня мороженым, и, в результате, я часто болела ангиной. А может, потому, что в этом рассказе можно было показать детскую непосредственность и неиссякаемую фантазию.

В тот год, а это было в 1972 году, конкурс в Горьковском театральном училище на одно место был просто сумасшедшим. Курс набирал Валерий Семёнович Соколоверов, педагог очень строгий и требовательный. На первом туре в экзаменационной комиссии сидели Крипец Владимир Моисеевич, Булюбаш Людмила Александровна, Галендеев Валерий Николаевич, Цыганкова Татьяна Васильевна и другие педагоги. Комиссия была очень представительная, и мы, абитуриенты дрожали и волновались. Первый тур я прошла достаточно легко. Но на втором и третьем турах мне давали сложные задания, особенно этюды. Расскажу об одном из них.

Я стою на перроне вокзала, мимо проходит скорый поезд, он не останавливается, а только притормаживает. В поезде едет мой любимый человек, и я должна за несколько секунд узнать его и как-то до него

докричаться. Комиссия изобразила стук колес поезда. Сначала я стояла на сцене, потом так впечатлилась этим обстоятельством, что стала бегать от одного края сцены к другому, я просто «видела», как мимо меня проходит поезд и в одном окне стоит молодой человек. Я закричала: «Коля, Коля, я здесь!» Видимо, это было очень эмоционально, потому что комиссия мне сказала: «Успокойтесь, присядьте». Вот так буйная фантазия помогла мне пройти на третий тур, где было уже не так трудно и где проверяли музыкальный слух и умение легко двигаться.

Когда я увидела свою фамилию в списках, зачисленных на курс «актёр драматического театра», радости не было конца. Родителям боялась сказать, они не хотели, чтобы я была актрисой, но меня поддержала старшая сестра, и они смирились с моим выбором.

Лето пролетело очень быстро, наступило первое сентября.

На первом курсе нас, студентов, было чуть больше 30 человек. Мы начали знакомиться, притираться друг к другу, особенно на групповых занятиях по мастерству актёра, которые вел Соколовров Валерий Семёнович. Занятия проходили в актовом зале. Он приходил, садился в середине зала, приносил пепельницу, доставал папирсы «Казбек», закуривал, наклонив голову набок, осматривал нас каким-то пронзительным взглядом, выбирал двух-трех студентов, давал им задание на этюд, и работа начиналась.

На первом курсе приходилось много трудиться, работать над собой, читать, думать, развиваться, образовываться. Историю театра вёл у нас Анатолий Смелянский (Альтшулер), зарубежную литературу – Альбина Александровна Нестерова, этику и эстетику – Татьяна Васильевна Цыганкова, по речи была Людмила Александровна Булюбаш, сцендвижение преподавала Ирина Алексеевна Дацук, танец – Виктор Иванович Молев.

Как известно всем, кто учится в Театральном училище, по итогам экзаменов второго курса могут отчислить за профнепригодность. Идёт последний экзамен сессии по речи. Педагог – Людмила Александровна Булюбаш. Мы, ученики, выполняем групповые упражнения, «подаём слова, как мячик», говорим быстро скороговорки, прыгаем через банкетку со стихотворным четверостишием и т. д. И вдруг Валерий Семёнович говорит: «А мне бы хотелось посмотреть Ольгу Филину со скакалкой». У меня душа ушла в пятки, потому что я очень боялась делать это упражнение, думала, собьётся дыхание. Ведь нужно было скакать со скакалкой и говорить заданные стихи. Но делать нечего. Беру скалку, и, как говорят, Бог помог! Какая-то неведомая сила сделала так, что я выполнила всё упражнение, дыхание не сбилось, стихи прочитала хорошо. А Валерий Семёнович, наклонив голову набок, внимательно изучал меня во время упражнения и что-то себе потом отметил. Всё, сессия закончилась, я перешла на третий курс.

Третий курс был самым интересным. Мы, студенты, уже хорошо узнали друг друга. Появились взаимные симпатии, была дружба, кокетство, летали по аудитории любовные флюиды.

Так получилось, что на третьем курсе нас осталось 16 человек, 9 девочек и 7 мальчиков. Создались отдельные компании. Мы, девочки: Тамара Кириллова, Ольга Шлыкova, Алла Мараши и я – Ольга Филина, – дружили. Мы часто встречались дома у Тамары Кирилловой. Мама у неё жила в другом городе, и за ней присматривала бабушка. Бабушка была замечательная, она никогда не ругала нас, она нас понимала. Это была невысокого роста с низким прокуренным голосом (что очень ей шло) маленькая женщина. Каждое утро она пила кофе и выкуривала первую сигарету. Если она приходила к Тамаре не в настроении, мы знали, что у неё кончился кофе, а без него ей плохо. Так вот, мы собирались у Т. Кирилловой под предлогом подготовки к зачету или экзамену. Но, открыв учебник и позанимавшись с полчаса или час, мы, собрав по рублю, накрывали стол, на кухне жарили картошку и выпивали по рюмке. И тут уж разговорам и спорам не было конца.

Часто инициатором таких посиделок был Вася Скорик. После занятий он говорил: «А не скинуться ли нам по рублю?» И наша компания с Васей и Володей Морозовым проводила «хороший» вечерок. Расходиться не хотелось. Я приходила домой далеко за полночь. Утром звенел будильник, и я с радостью шла на занятия в училище.

Бывали мы частенько дома и у Аллы Мараш. Её мама, Галина Яковлевна Дёмина, работала в Москве в Малом театре. Алла с папой жили на площади Горького в маленькой квартире на втором этаже. На первом этаже находилось кафе «Нижегородское», и они сами, смеясь, говорили: «Мы живем над буквой «ж»».

В Аллиной комнате был шкаф и большая кровать. Вот на эту кровать мы, девчонки, забирались и готовились к экзамену или зачёту. А часов в восемь вечера приходил папа, Михаил Робертович Мараш, режиссёр телевидения и нижегородский поэт. Он уже с порога говорил: «Кто здесь самый толстый, того я съем». Я громче всех кричала: «Это я!» – и шуткам и смеху не было конца.

В комнате Михаила Робертовича было несколько телевизоров, которые всегда работали, потому что он смотрел сразу все программы, и огромное количество книг. Иногда он приглашал нас в свою комнату посмотреть интересную передачу или просто поболтать.

Когда нам задавали самостоятельную работу, а у нас ничего не получалось, мы говорили Алле: «Позови папу нам помочь с режиссурой». Михаил Робертович приходил в училище поздно вечером после работы на телевидении и помогал нам «ставить» сценки.

Когда я поступила в училище, то была очень закомплексованным человеком, но постепенно мне удалось избавиться от многих комплексов, и это произошло во время учёбы на третьем курсе. Именно на третьем курсе к нам пришли работать два талантливых режиссёра: Борис Абрамович Наравцевич – главный режиссер ТЮЗа и Семён Эммануилович Лерман – Заслуженный деятель искусств Эстонской ССР, режиссёр Горьковского театра драмы имени М. Горького, а затем он стал главным режиссёром Театра комедии. Оба очень разные, но потрясающе колоритные фигуры.

Борис Абрамович Наравцевич решил поставить с нашим курсом «Женитьбу Фигаро» Бомарше. Представляете, какой материал, какой размах! Но он всё правильно рассчитал. У нас на курсе были и граф – красавец Вася Скорик и Володя Баландин, и графиня – её играла я в паре с Ольгой Шлыковой, и Фигаро – Анатолий Фирстов, и Сюзанна – Елена Наравцевич и Алла Мараш. Марселину играла Тамара Кириллова и Татьяна Чапурина, Базиль – Саша Серебрянский, Керубино – Лена Анурина, Бартоло – Валя Ломунов и Володя Морозов, Фаншетту – Галя Ежова и Таня Ковляшкина. Все роли, на мой взгляд, как нельзя лучше подходили по внутреннему ощущению каждому студенту. Спектакль получился очень красивым, и играли мы его раз от раза всё с большим вдохновением. А уж репетиции были просто потрясающими. Борис Абрамович приходил на занятия, уже наполненный какой-то необыкновенной жизнерадостной энергией. Он снимал пиджак, бегал со сцены в зал, что-то быстро говорил, размахивая руками. Подбегал к нам, девочкам, брал за руку (словно поджарялся), что-то отменял, что-то быстро придумывал. Его небольшая фигура со слегка выпиравшим животиком, вспотевшей лысиной, очень живыми умными глазами и сейчас стоит у меня перед глазами. От него мы заразились жизнелюбием, оптимизмом, умением мечтать и даже «летать» по сцене. Я с большой теплотой вспоминаю своего учителя Бориса Абрамовича Наравцевича.

Семён Эммануилович Лерман ставил спектакль «В день свадьбы» по пьесе Виктора Розова. Я играла Риту, жену Николая, сына Салова. Здесь всё было по-другому. Семен Эммануилович приходил на репетицию, садился в середине зала, вынимал термос с кофе, наливал в кружку и говорил: «Сейчас сцена Ньюры, Клавы и Риты». Мы, это Галя Ежова, Таня

*Пьер-Огюстен Карон де Бомарше
«Безумный день, или Женитьба
Фигаро». Графиня – О. Филина,
граф Альмавива – В. Скорик*

Ковляшкина и я, выходили и начинали репетировать. В зависимости от того, как шла эта сцена, у Семена Эммануиловича менялось настроение. Но я не помню, чтобы он ругался. Он объяснял, разбирая характеры героев пьесы, доказывал, снова что-то объяснял, придумывал, создавая ситуацию, работая с нами с помощью этюдов. Это была глубокая, проникающая в суть проблемы репетиция. Выйдя из училища, мы ещё долго разговаривали об этой сцене в пьесе, что-то фантазировали, додумывали, разминали материал. А подумать было о чём. Семён Эммануилович любил работать со студентами серьёзно, как со взрослыми актёрами в театре.

Но один раз мы расшалились. Все, кто не был занят в сцене, сидели сзади и смотрели репетицию. В тот раз настроение было у нас какое-то игривое, мы разговаривали, хихикали и мешали Семёну Эммануиловичу. Он нам один раз сделал замечание, второй, а потом «вышел из себя», хлопнул рукой по столу и ушёл в учительскую. Вот тут мы и притихли, время шло, а никто не хотел идти с повинной. На

конец, мальчишки сказали, что должны идти самые красивые девочки на курсе. Мы – Ольга Шлыкова, Лена Наравцевич и я – пошли в учительскую извиняться. Но Семён Эммануилович ещё долго не приходил, прощал он тяжело. Мы всё поняли и больше такое не повторялось.

Премьера спектакля прошла очень хорошо, Семён Эммануилович всех обнимал и на программке мне написал: «Дорогая Оля! Помни, что аппетит на искусство с возрастом приходит. Пусть тебе море будет по колено от одной уверенности в жизни».

Хочу рассказать об одном очень поучительном эпизоде нашей учебы. Четвёртый курс. Идет прогон спектакля «Егор Булычов и другие» по пьесе М. Горького. Режиссёр-постановщик и руководитель курса В. С. Соколовров. Я играла Елизавету Достигаеву. Роль небольшая. Во втором акте Булычов и Павлин рассуждают о великом смятении в Москве, о том, что царя надо было сместить, о том, что такое самодержавие, для чего Дума.

Булычов. Что такое случилось? Вот и Дума есть. Нет, дело не в царе, а в самом корне.

Павлин. Корень – это и есть самодержавие.

Булычов. Каждый сам собой держится, своей силой. Да вот сила-то где? На войне не оказалось.

Павлин. Дума способствовала разрушению сил.

Елизавета (в дверях). Вы, отец Павлин, исповедуете?

Павлин. Ну, что это, какой вопрос.

Елизавета. А где мой муж?

Павлин. Был здесь.

Елизавета. Какой вы строгий сегодня, отец Павлин (*исчезла*).

Булычова у нас играл Вася Скорик, а Павлина Володя Баландин. И вот они ведут диалог, последняя перед моим выходом реплика. Я стою

за кулисами в полной готовности, слышу последние слова Павлина и не *выхожу на сцену*. Что случилось, почему, до сих пор объяснить не могу. Я слышу, как повисла длинная пауза, ребята тоже растерялись, потом... продолжили диалог. У меня случился какой-то ступор, я не могла сделать ни одного шага. Думала – всё, после прогона конец всему. Но Валерий Семёнович не остановил прогон. После было обсуждение спектакля. Мудрый Валерий Семёнович меня не ругал, но построил разговор так, что меня бросало то в жар, то в холод, я бледнела и краснела, было безумно стыдно, что подвела товарищей. Этот урок своего учителя запомнила на всю жизнь.

1975 год. Диктор Горьковского ТВ
Ольга Филина

Наступил февраль 1975 года, экзамены позади, нам вручили дипломы, идёт распределение. Что мне делать, куда пойти работать? Я узнаю, что на телевидении освобождено место диктора. Мне об этом сказал Михаил Мараш.

Знакомство с Михаилом Робертовичем оказало на меня большое влияние, он часто рассказывал о работе на телевидении с таким воодушевлением и восторгом, что, казалось, лучше ничего не может быть. И вот я выбираю телевидение, работу диктора, где каждый день прямой эфир, где каждый день премьера...

Сорок три года я тружусь в телерадиокомпании «Нижний Новгород» и с благодарностью вспоминаю годы учёбы в Горьковском театральном училище, в котором я получила хорошее образование и профессию актрисы.

03.06.2018